

А.А. Постникова
Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского

НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЭПОХА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Статья посвящена современной французской историографии Наполеоновской эпохи в контексте концепции исторической памяти. Несмотря на то, что в европейской науке за последние годы появилось немало новых методологических работ, предлагающих альтернативные варианты прочтения исторической памяти, французская историческая наука, по мнению автора статьи, значительно отстает от методологических новаций. Опираясь на анализ методологических и исторических принципов французских исследований, автор выделила два основных направления в изучении истории памяти о Наполеоновской эпохе. Во-первых, анализ использования образа императора как инструмента формирования политической символики и факторов, способствующих его актуализации. Во-вторых, исследования проблем конструирования памяти о трагедиях как элемента национальной консолидации. При этом исследователи отмечают, что память о поражениях, благодаря регулярной актуализации, оказалась более значимой для французов, чем победы Наполеона. В рамках данного направления автор особо выделила монографию Ж.М. Ларжо, посвященную детальному анализу специфики французской памяти о Ватерлоо. Автор пришла к выводу, что обращение историков к трагическим образам войн, как правило, ограничивается национальными рамками. Так, обратившись к представлениям о войнах, историки лишь фрагментарно затронули проблематику русской и британской памяти, в очередной раз демонстрируя исключительную сосредоточенность французской науки на проблемах узко национального характера. Наконец, большая часть работ продолжает ориентироваться на концепцию П. Нора, которая, по всей видимости, не может восприниматься на сегодняшний день как универсальный подход к проблемам исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, французская наука, образ Наполеона, травматическое прошлое

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18 00113.

Цитирование: *Постникова А.А.* Наполеоновская эпоха в современной Франции: вечен ли П. Нора? DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-266-278 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 266-278.

Поступила в редакцию: 08.12.2020

Принята к печати: 05.05.2021

A. Postnikova
Saratov State University

NAPOLEONIC ERA IN PERCEPTION OF MODERN FRANCE

The article is devoted to the modern French historiography of the Napoleonic era in the context of the concept of historical memory. Even though many new methodological works have appeared in European science in recent years, offering alternative options for reading historical memory, French historical science is far behind methodological innovations. Based on an analysis of the methodological and historical principles of French research, the author identified two main areas developing in relation to the history of memory of the Napoleonic era. Firstly, the study of the image of the emperor as an instrument for the formation of political symbolism and factors contributing to its actualization. Secondly, research into the problems of constructing a memory of tragedies as an element of national consolidation. At the same time, researchers noted that the images of defeats, thanks to regular actualization, turned out to be most memorable for the French than the victories of Napoleon. Within the framework of this direction, the author emphasized the monograph by J.M. Largeaud, dedicated to a detailed analysis of the specifics of the French memory of Waterloo. The author concluded that historians appeal to the tragic images of war is usually limited to the national framework. So, turning to ideas about wars, historians only fragmentally touched on the problems of Russian and British memory, once again demonstrating the exceptional concentration of French science on problems of a narrowly national nature. Finally, most of the work continues to focus on the concept of P. Nora, which, apparently, cannot be perceived today as a universal approach to the problems of historical memory.

Keywords: historical memory, French science, the image of Napoleon, traumatic past

Acknowledgements: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant 20-18-00113.

Citation: Postnikova, A. A. (2021). Napoleonovskaya epoha v vospriatii sovremennoj Francii [Napoleonic era in perception of modern France]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-266-278. *Annual of French Studies 2021*, vol. 54, p. 266-278.

Историческая наука и созданный ею образ Наполеона на протяжении многих лет определяют во Франции вектор национального развития, став частью политического пространства¹. Стремление историков сохранить память о Наполеоне как национальном символе привело к известному конфликту французского правительства и ученых в 2005 г. В год юбилея Аустерлица президент Ж. Ширак, руководствуясь политикой мультикультурализма, решил отказаться от юбилейных церемоний, посвященных французской победе. В результате действия правительства были подвергнуты критике со стороны историков, от лица которых выступили П. Нора и Э. Ле Руа Ладюри. «Забытый Наполеон – ампутированная история»², – провозгласили в своем обращении к правительству ученые. Этот сюжет ярко продемонстрировал, что во Франции Наполеоновская эпоха еще не подверглась процессу кристаллизации в «местах памяти», вызывая и двести лет спустя неоднозначные, противоречивые оценки. Возможно ли осмысление современной французской наукой образа Наполеона в исторической памяти?

Как известно, именно Франция стала центром рождения методологии исторической памяти, вокруг которой на протяжении многих лет не умолкает спор о многообразии интерпретаций прошлого, порождающий все больше вопросов и сомнений. Как отметил один из основателей концепции исторической памяти П. Нора, «то, что концепцию, которую я создал в 70-е годы для истории Франции, начали использовать в исторических исследованиях во всем мире, стало для меня неожиданностью. Я на это никак не

¹ Чудинов А.В. 200-е Египетского похода Наполеона Бонапарта: история неудачной коммеморации // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. Вып. 10 (74). 2018; Промыслов Н.В. Наполеоновская эпоха в фокусе антропологического подхода. Размышления над новыми книгами // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020; Forrest A. Russia, the Moscow Campaign and the Making of the Napoleonic Legend // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020.

² Polémique autour des célébrations du bicentenaire de la bataille d'Austerlitz // Le Monde. 2005. 03 décembre.

рассчитывал»³. Через несколько лет, в очередной раз обратившись к влиянию собственной концепции на мировую науку, он призвал историков «вернуться в архивы»⁴.

Так называемый «бум памяти», кризис которого на современном этапе становится все более очевидным, берет начало в методологических экспериментах «Школы Анналов». Так, одним из первых концепт «исторической памяти» к событиям прошлого применил историк Ж. Дюби, опубликовавший монографию «Бувинское воскресенье», которое ознаменовало рождение новой методологии в историческом познании⁵. Через несколько лет после данной публикации коллектив французских историков под руководством П. Нора выпустил ставший уже классикой исторической науки труд, посвященный «местам памяти» французской нации⁶. За последние годы идеи Нора в науке были подвергнуты переосмыслению учеными, что привело к постепенному отказу от концепции «мест памяти»⁷.

Несмотря на то, что в европейской науке за последние годы появилось немало новых методологических работ, предлагающих альтернативные варианты прочтения исторической памяти, французская историческая наука значительно отстает от методологических новаций, что во многом касается и способов осмысления во Франции событий наполеоновской эпохи.

Первые исследования в сфере исторической памяти применительно к наполеоновской эпохе были связаны с осмыслением образа Наполеона в политическом дискурсе. Французские исследователи в своих методологических экспериментах связывали интерпретацию войн и внутренней политики с трансформацией образа императора во времени. Одной из зачинательниц исследований исторической памяти применительно к наполеоновской эпохе считается Н. Петито. В 1999 г. она опубликовала книгу «Мифологизация Наполеона в истории», где проанализировала трансформацию «наполеоновской легенды» в памяти французов⁸. Солидаризируясь с концепцией исторической памяти Ж. Дюби,

³ Нора П. «Историки поняли, что законы — опасная вещь» // Новое литературное обозрение. 2002. № 3.

⁴ Nora P. «L'Autre bataille de Bouvines». P., 2005.

⁵ Duby G. Le Dimanche de Bouvines. P., 1973.

⁶ Les Lieux de mémoire: Les France. P., 1984.

⁷ Например, *Le Goff J. History and memory*. N.Y., 1992; *Dépasser le cadre national des "Lieux de mémoire"*. Bruxelles, 2014.

⁸ *Petiteau N. Napoléon de la mythologie à l'histoire*. P., 1999.

сформулированной им в монографии «Бувинское воскресенье», Петито в первых главах проанализировала механизмы формирования образа императора в представлении его современников. Автор пришла к выводу, что формирование легенды об императоре и его победах стало результатом целенаправленной пропаганды самого Наполеона, отголоски которой еще долгое время определяли сознание поколения, вдохновленного его образом.

По сути, именно эти носители памяти об императоре заложили основу своеобразного процесса «обратимости» героизации наполеоновской эпохи в период Июльской монархии и в годы Второй империи. По мнению автора, поражение во франко-прусской войне не привело к забвению образ Наполеона в памяти французов, породив множество аналогий Седана с Ватерлоо. Так, именно трагическое настоящее в наибольшей степени способствовало романтизации ушедшей эпохи господства Франции. В завершающей главе своего исследования историк обратилась к образу Наполеона в представлении современных французов, придя к выводу, что в начале XXI в. император в большей степени стал памятен как инициатор процессов европейской интеграции, а его сражения, связанные с войной в Европе, оказались в тени коллективной памяти.

Исследование Н. Петито открыло совершенно новый подход к изучению Первой империи. Вслед за ней А. Журдан проанализировала процесс конструирования образа императора в сознании его современников⁹. На основе глубокого анализа официальной пропаганды, периодической печати и карикатур она раскрыла механизмы и методы создания «имиджа» власти. Однако, в отличие от Петито, Журдан считает, что целенаправленное формирование лидером своего собственного образа в глазах современников приводит при смене власти к сокрушительному падению созданных идеалов и конструированию «анти-мифа».

В начале XXI в. внимание французских историков оказалось привлечено к истокам формирования современной «наполеоновской легенды». Этому, в частности, была посвящена монография С. Азарезинга¹⁰. Опираясь не только на исторические исследования, воспоминания участников, периодическую печать, но и на элементы повседневной жизни французов, автор проследил формирование «наполеоновского мифа» и его превращение в мощную

⁹ Jourdan A. *Mythes et légendes de Napoléon*. Toulouse, 2004.

¹⁰ Hazareensingh S. *La légende de Napoléon*. P., 2005.

политическую культуру XIX в. Историк, установив взаимосвязь между целенаправленным конструированием образа политической власти и его репрезентацией в общественном сознании, постарался ответить на вопрос, почему увлечение французами Наполеоном оказалось настолько устойчивым.

Процесс поиска истоков в конструировании образа императора связан и с появлением многочисленных трудов историков, посвященных репрезентации его образа в искусстве империи. Именно этой проблеме посвятил свою монографию «Империя муз. Наполеон, искусство и литература» Ж.К. Бонне¹¹. Автор, проанализировав политику Наполеона в области живописи, музыки и театров, определил роль искусства в конструировании культа императора. Кроме того, историк рассмотрел проблему взаимовлияния власти и творчества в процессе конструирования идеологии империи. Этот труд отразил общий рост интереса науки к культурным аспектам формирования образа власти.

Продолжил исследование тематики искусства Первой империи Д. Шалу¹². Автор, рассмотрев историю оперы в период правления Наполеона на примере Королевской академии музыки, продемонстрировал, каким образом музыкальное творчество способствовало репрезентации власти Наполеона. По мнению историка, эта цель достигалась путем установления жесткой цензуры над репертуаром оперы, а также с помощью назначения доверенных лиц на ключевые посты театральной администрации. В целом, пишет Шалу, музыкальное искусство было призвано вызывать в общественном сознании некие аналогии образа Наполеона с императорами Древнего Рима.

Продолжая тематику развития исторической памяти о наполеоновской эпохе во французской историографии, невозможно не упомянуть книгу «Наполеон на экране» Д. Шантеранна¹³. Автор проанализировал 700 художественных фильмов и 300 документальных передач, которые внушают зрителям чувство зачарованности императором. Монография интересна тем, что помимо характеристики черт образа Наполеона в художественном кино, автор рассмотрел жизнь режиссеров и актеров этих лент и отметил причины, которые побудили их представить «императора на экране». Историк, в сущности, продемонстрировал, каким образом эпоха повлияла на особенности конструирования образа Наполеона.

¹¹ Bonnet J.C. L'Empire des Muses. Napoléon, les Arts et les Lettres. P., 2004.

¹² Chaillou D. Napoléon et l'Opéra. La politique sur scène – 1810–1815. P., 2004.

¹³ Chanteranne D. Napoleon à l'écran. P., 2003.

В преддверии юбилея основания Первой империи в Музее Армии в Париже прошел colloquium под названием «Наполеон, Стендаль и романтики: армия, война, победа». Главная тема, обсуждавшаяся на встрече историков, была посвящена интерпретации наполеоновской легенды в творчестве писателей, современников империи – О. де Бальзака, Стендаля, Ш. Нодье и др. Подводя итоги конференции, докладчики отметили решающую роль художественной литературы в трансформации наполеоновской легенды в сознании французского общества.

Некоторые итоги исследования проблем символики власти и исторической памяти о наполеоновской эпохе были подведены на конференции «Наполеон и Европа» в 2005 г.¹⁴ Историки в рамках докладов обратились к сопоставлению образа Наполеона с образами предшествовавших ему и следовавших за ним правителей Франции. В результате исследователи провели определенные аналогии между образом Наполеона I и образами Карла Великого, Людовика XIV, Наполеона III и, наконец, Ш. де Голля.

Интересным исследовательским опытом стала попытка Ж. Будона вписать образ Наполеона в символику политической власти современной Франции в монографии с оригинальным названием «Новые одежды императора»¹⁵. Это исследование в очередной раз продемонстрировало значимость образа Наполеона в рамках национальной памяти французов. Будон начал свое повествование с описания торжеств по случаю юбилея со дня рождения императора в период правления президента Ж. Помпиду. Эти мероприятия, по мнению историка, в очередной раз оживили героический образ Наполеона в памяти французов. С этого времени, считает автор, правители Франции вслед за Помпиду начинают отождествлять свои действия с политикой императора, что стало считаться многими французскими политиками залогом успеха и что, в свою очередь, обеспечило долговечность мифа о Наполеоне.

Как видим, в большинстве упомянутых исследований основной акцент сделан на анализе методов исторической политики, воздействовавших на формирование образа Наполеона. Может даже создаться впечатление, что трансформация образа императора напрямую влияла на изменение представлений о его битвах. Однако ряд трудов современных французских историков проде-

¹⁴ Napoléon et l'Europe / Éd. par T. Lentz. P., 2005.

¹⁵ Boudon J.O. Les habits neufs de Napoléon. P., 2009.

монстрировал, что в определенные моменты истории эти процессы не пересекались, а иногда даже противостояли друг другу.

В преддверии 200-летних юбилеев военных кампаний Наполеона французская наука проявила заметный интерес к осмыслению образов этих битв в исторической памяти. Так, в 2012 г. французские ученые сосредоточились на изучении событий «русской кампании», которую во Франции продолжают помнить как героическое и в то же время трагическое событие. Во французской исторической науке появились в это время достаточно заметные исследования, посвященные 1812 г. Так, Будон обратился к исследованию этой войны, как с событийной стороны, так и в рамках формирования исторической памяти¹⁶. Остановившись на описании основных сражений 1812 г., историк пришел к выводу, что основой для формирования французской версии русской кампании как «моральной победы» стали изначальные интерпретации самих участников событий¹⁷.

В этом же году к проблематике исторической памяти применительно к русской кампании обратилась и М.П. Рей. Свою монографию «Невероятная трагедия» она как раз и начала с описания образов французской памяти этой войны, убедительно заявив, что для французов наиболее памятным событием стало полное трагизма «Великое отступление», в то время как для русских – Бородино, символ защиты национальной чести¹⁸. Однако на причинах столь разных вариантов формирования «мемориальной культуры» двух стран автор решила не останавливаться.

В последнее время французскую науку в рамках исследования проблем исторической памяти особенно привлекает феномен восприятия военных поражений. Так, в 2014 г. историк Ж.Л. Пёдон обратился к кампании 1814 г., результатом которой стала оккупация Франции¹⁹. Объясняя причины, пробудившие у него интерес к данному событию, автор пишет: «Несмотря на то, что кампания 1814 г. связана с трагической для Франции оккупацией, она интересна тем, что привела к формированию устной традиции, мест памяти, разнообразных представлений об иной культуре, возник-

¹⁶ Boudon J.O. Napoléon et la campagne de Russie 1812. P., 2012. P. 5.

¹⁷ Ibid. P. 215.

¹⁸ Rey M.P. L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012. P. 143.

¹⁹ Peudon J.L. La campagne de 1814 récit et lieux de mémoire: Le jugement de Clausewitz. P., 2014.

ших в результате межнационального диалога»²⁰. Это исследование оригинально тем, что автор соединил событийную историю, сюжеты межкультурного взаимодействия в период оккупации и образы памяти, которые способствовали формированию устоявшихся стереотипов о кампании. С точки зрения тотальной истории Пёдон попытался проанализировать процесс формирования мемориальной культуры Франции о событиях 1814 г.

В продолжение исследований травмирующей памяти французские ученые в 2015 г. сосредоточили свое внимание на интерпретации образа Ватерлоо в общественном сознании. «Фонд Наполеона» организовал представительный международный семинар, в рамках которого историки обсудили особенности формирования британской и французской традиций в восприятии и интерпретации этой битвы²¹.

Обратившись к французской версии сражения, они отметили, что с самого начала, под влиянием общественного дискурса, стремящегося преодолеть травму поражения, образ битвы стал интерпретироваться не только как трагедия, но и как событие, связанное с проявлением высочайшего героизма французских солдат²². По мнению многих авторов, формированию образа Ватерлоо как героического эпизода в истории Франции во многом способствовал тот факт, что в политическом дискурсе периода Реставрации поражение целиком оказалось связано с авантюризмом Наполеона, но, ни в коей мере, не с отсутствием боевого духа французских солдат. Обратившись к последующим этапам трансформации образа сражения, историки отметили значительную роль деятелей искусства в его мифологизации, в которой культ жертвенности был предпочтительнее, нежели культ победы. В итоге, к концу XIX в. состоялась кристаллизация образа сражения, воплотившись в своеобразном символе – «слове Камброна», олицетворяющего героизм и чувство чести французского солдата. «Ватерлоо стало мифом, существующим между победой и поражением»²³.

Участники семинара обратились также и к формированию образа Ватерлоо в британской памяти, что, по их мнению, несмотря на одержанную победу, происходило в более, чем у французов, противоречивой атмосфере²⁴. Так, лояльная к партии консервато-

²⁰ Ibid. P. 8.

²¹ La bataille de Waterloo: symbole de victoire, de défait et lieu de mémoire. P., 2015.

²² Ibid. P. 11.

²³ Ibid. P. 13.

²⁴ Ibid. P. 14.

ров пресса попыталась закрепить в сознании британского общества восприятие Ватерлоо как величайшую национальную победу. Однако либеральная оппозиционная публицистика стремилась к тому, чтобы максимально преуменьшить роль правящих кругов в победе над Наполеоном. Кроме того, сказывалась и весьма неблагоприятная социальная и экономическая обстановка, сложившаяся ко времени завершения наполеоновских войн, что, конечно, не могло располагать к восприятию британским обществом Ватерлоо как победы. Массовые беспорядки 1819 г. в Манчестере, закончившиеся кровавой бойней на площади Св. Петра, получили название «Питерлоо». Для многих британцев Ватерлоо стало ассоциироваться с тяжелыми последствиями войны. Создаваемые по инициативе правительства выставки, музеи и монументы, посвященные сражению, далеко не сразу находили должный отклик в обществе.

После заметного улучшения социально-экономической ситуации в Великобритании и завершения дискуссий о последствиях войн образ Ватерлоо под влиянием литературы постепенно становится национальным «местом памяти», включающим в себя чувство уважения к неприятелю. Так, «британская победа» со временем трансформировалась в культ жертвенности. На основе сопоставления динамики формирования образа Ватерлоо в памяти Франции и Великобритании участники семинара пришли к выводу, что Ватерлоо для французов оказалось событием более памятным, чем для англичан.

Наиболее детальный анализ специфики французской памяти о Ватерлоо предпринял историк Ж.М. Ларжо. Во введении к монографии, специально посвященной этой проблеме, он объяснил отличия французской памяти о Ватерлоо от британской тем, что «для Франции это сражение стало трагическим концом мечтам о великой империи, в то время как британская память изначально нашла свое воплощение лишь в мемориальной культуре»²⁵. По мнению автора, поражение заставляет нацию на протяжении многих лет искать причины совершенных ошибок и не позволяет забывать о них²⁶. Определив факторы трансформации этого образа в представлении французов на протяжении двух столетий, Ларжо пришел к выводу, что Ватерлоо как «разрушительная победа» в

²⁵ *Largeaud J.M. Napoléon et Waterloo: La défaite glorieuse de 1815 à nos jours.* P., 2015. P. 11.

²⁶ *Ibid.* P. 12.

кризисные периоды французской истории способствовала национальной консолидации.

В своем заключении Ларжо, обратившись к концепции исторической памяти П. Нора, заявил, что история формирования образа Ватерлоо эту концепцию не подтверждает: «Процесс формирования памяти является более сложным, чем конструкция, предлагаемая П. Нора. Механизмы коммеморации представляют собой смешение позитивных и негативных факторов, так как разрушение – это трагедия, но в то же время и победа»²⁷. По мнению историка, концепция Нора в большей степени подходит для характеристики победы, когда устойчивые элементы образа со временем трансформируются в «места памяти», в то время как трагедия представляет собой более противоречивый вариант конструирования «культуры поражения».

Становится очевидным, что развитие исторической памяти о наполеоновской эпохе в современной французской науке развивается в двух направлениях. Во-первых, в плане изучения образа императора как инструмента формирования политической символики. Во-вторых, в виде изучения проблемы конструирования памяти о трагедиях в рамках национальной консолидации. Однако исследователи, отделяя историю представлений о Наполеоне и о его сражениях, не выявили взаимосвязь этих процессов, происходивших на протяжении двух столетий. Обратившись к трагическому образу войны, они лишь фрагментарно затрагивают проблематику русской и британской памяти, в очередной раз демонстрируя исключительную сосредоточенность французской науки на проблемах узко национального характера. Наконец, большая часть работ продолжает ориентироваться на концепцию П. Нора, которая, по всей видимости, не может восприниматься на сегодняшний день как универсальный подход к проблемам исторической памяти.

REFERENCES

Bonnet J.C. L'Empire des Muses. Napoléon, les Arts et les Lettres. Paris, 2004.

Boudon J.O. Les habits neufs de Napoléon. Paris, 2009.

Boudon J.O. Napoléon et la campagne de Russie 1812. Paris, 2012.

Chaillou D. Napoléon et l'Opéra. La politique sur scène – 1810–1815. Paris, 2004.

Chanteranne D. Napoleon à l'écran. Paris, 2003.

²⁷ Ibid. P. 386.

- Duby G.* Le Dimanche de Bouvines. Paris, 1973.
- Forrest A.* Russia, the Moscow Campaign and the Making of the Napoleonic Legend // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020. [Forrest A. Russia, the Moscow Campaign and the Making of the Napoleonic Legend // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020].
- Hazareesingh S.* La légende de Napoléon. Paris, 2005.
- Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoléon. Toulouse, 2004.
- La bataille de Waterloo: symbole de victoire, de défait et lieu de mémoire. Paris, 2015.
- Largeaud J.M.* Napoléon et Waterloo: La défaite glorieuse de 1815 à nos jours. Paris, 2015.
- Les Lieux de mémoire: Les France. Paris, 1984.
- Le Goff J.* History and memory. New York, 1992.
- Dépasser le cadre national des "Lieux de mémoire". Bruxelles, 2014.
- Napoléon et l'Europe / Éd. par T. Lentz. Paris, 2005.
- Nora P.* «L'Autre bataille de Bouvines». Paris, 2005.
- Peudon J.L.* La campagne de 1814 récit et lieux de mémoire: Le jugement de Clausewitz. Paris, 2014.
- Petiteau N.* Napoléon de la mythologie à l'histoire. Paris, 1999.
- Polémique autour des célébrations du bicentenaire de la bataille d'Austerlitz // Le Monde. 2005. 3 décembre.
- Rey M.P.* L'effroyable tragédie: une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris, 2012.
- Нора П.* «Историки поняли, что законы опасная вещь» // Новое литературное обозрение. 2002. № 3. [Nora P. «Istoriki ponyali, chto zakony - opasnaya veshch'» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. № 3].
- Промыслов Н.В.* Наполеоновская эпоха в фокусе антропологического подхода. Размышления над новыми книгами // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020. [Promyslov N.V. Napoleonovskaya epoha v fokuse antropologicheskogo podhoda. Razmyshleniya nad novymi knigami// Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020].
- Чудинов А.В.* 200-е Египетского похода Наполеона Бонапарта: история неудачной коммеморации // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. Вып. 10 (74). 2018. [Tchoudinov A.V. 200-ie Egipetskogo pohoda Napoleona Bonaparta: istoriya neudachnoj kommemoracii // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». Т. 9. Вып. 10 (74). 2018].

Постникова Алена Александровна

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Саратовский национально-
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
доцент кафедры всеобщей истории и
методики преподавания
исторических дисциплин
Уральского государственного
педагогического университета
410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, 83
старший научный сотрудник
e-mail: alina33_07_87@mail.ru

Postnikova, Alena

PHD (History), Senior Researcher
Saratov State University
Associate Professor of the Department
of General history and methods
of teaching historical disciplines
of the Ural State pedagogical University
83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012
Senior Researcher
e-mail: alina33_07_87@mail.ru
Researcher ID ABE-4825-2020
ORCID: 0000-0002-9895-8780
Scopus ID: 57194944545